

4 марта 1981 г., № 53.

ТРИ МАСКИ ОДНОГО ЛИЦА

Впервые я увидел антера в спектакле для детей «Живая музыка», поставленном режиссером И. Борисовым в театре «Красный фанел» по сказке Л. Устинова.

ПО СЦЕНЕ носились два волка — Серый и Черный. Они азартно охотились за Зайцем: выслеживали, вынюхивали, догоняли. Неудача приводила их в ярость, но огорчала ненадолго. Волки не жаловались на судьбу, а тут же начинали охоту заново. Это были заматеревшие в своем злодействе лесные разбойники. Преследуя несчастную жертву, они успевали петь свои волчьи песни и отплясывать лихой танец. Продоливали они это с сокрушающей энергией.

В то время как положительные Аленушка с Иванушкой надеялись на охранительную силу судьбы больше, чем на себя, и, видимо, поэтому выявляли свой характер, мягко выражаясь, несколько инфантильно, буйный темперамент хищников не мог не привлечь к ним маленьких зрителей. Появления злых негодяев ждали с нетерпением. Но и после того, как здоровенные «звери» превратились по ходу сюжета в дюжих молодцов, охраняющих благополучие и покой Барина, злая энергия их не покинула. Они служили Барину прямо-таки истово. Не жалели сил, чтобы досадить невозмутимому Иванушке, его приятелю Мите и белокурой Аленушке.

Артиста В. Власова, играющего Черного Волка, я знал хорошо. А вот актера в облике Серого видел впервые. Заглянул в программу: А. Болтнев. В его Волке было нечто большее, чем просто хорошо сыгранная роль. Узнал, что артист закончил Ростовское театральное училище, учился заочно в Ташкентском театральном институте, работал в разных театрах...

И ВОТ следующая работа актера — в трагикомедии В. Ворфоломеева «Святой и грешный» Андрей Болтнев играет Мефистофеля, явившегося в дом сантехника Кузмы Тудышкина под именем Федя. Роль, как и вся пьеса, написана в пробовато-буффонной манере. Автор слишком увлекся изображением глупого и пологого быта в ущерб разработке характеров героев и мотивов их поведения.

Жалкий пьяница Тудышкин и его семья живут в таком мо-

ральном убожестве, что совершенно непонятно, чем привлек сантехник внимание изощренного, умного циника Мефистофеля.

Тудышкин быстро поддался соблазнам Мефистофеля-Федя. Еще бы! Тот, призывая сантехника отбросить его стремление «жить по совести», подсовывает ему лотерейный билет, выигравший «Жигули», да фотографии разных смазливых девиц. Этим, в основном, исчерпывается линия сценического действия посланца ада. В дальнейшем в «красивой жизни» разбогатевшего Тудышкина он присутствует больше для антуража, чем по необходимости.

Тем не менее, Мефистофель в спектакле — явление выразительное и яркое. Не найдя для своей роли в пьесе ни смешных положений, ни острых реплик, актер ищет выразительности в пластике, в особом отношении к метаморфозам новоявленного «святого». Цыганский хор, скрипки, ресторан он предлагает Тудышкину с нескрываемой иронией, будучи абсолютно убежденным, что тот не заметит издевки. Это ироническое отношение «Федя» ко всему несет ощущение тайны, магнитом притягивающей всех этих небожителей.

И, конечно, дамы — обитательницы этого уникального зверинца, где вольтотно только тому, у кого абсолютно отсутствуют духовные запросы — просто с ума сходят от восторга, любясь Федей. Ах, ах — манеры аристократа! А как он держит гитару! «Федя» снисходительно принимает такое поклонение. Уступая настойчивым просьбам придумать нечто необычное, он спокойно достает из кармана коробочку, вытаскивает кольцо с бриллиантом и предлагает игру в жмурки — кто найдет кольцо с завязанными глазами, тот получит его в собственность. Вопль восторга. Ползают, орут, ругаются друг с другом. В финале эпизода — всеобщая свалка. Перед нами злые черты накопительства и бездуховности. Мефистофель смотрит на них не злобно, нет. Жалостно. Но тогда — зачем они ему? Разгадка будет в финале, когда «Федя» разорвет свой договор с Кузьмой в тот самый момент, когда узнает, что и Бог от него отрекся.

творческий портрет

Вот где откроется, почему так внимательно наблюдает Мефистофель за всем. Признаться, ему было скучновато среди этих предельно заурядных приобретателей. Зато он доказал Богу всю тщету его веры в этих тудышкиных. Ты к ним пришел за душой, а души-то нет. Жалкий рубль вместо нее...

Пусть «Федя» в пьесе — лишь некая маска Мефистофеля, но и она дала актеру много возможностей для раздумий. Этого не мог не ощутить зритель.

Д АРОВАНИЮ актера свойственны ирония, чувство юмора. Это придает его работам значительность и остроту. С большой гневной силой разоблачает Болтнев темную самоуверенность ниспровергателя старой культуры Ярматова в спектакле «Синие кони на красной траве» по пьесе М. Шатрова.

Преувеличенно громадный от свободно повисшей на нем толстовки, в обмотках, этот демагог, как колосс, возвышается над молодыми девчатами и парнями, задающими ему вопросы на диспуте. По-своему используя «классовый подход к произведению искусства», он выбрасывает на «свалку истории» имена, которыми гордится русский народ. Ярматов Болтнева умеет ораторст-

зовать профессионально — в голосе металл, а жесты широки и самодовольны. Он нахально парирует острые вопросы. Не только обличает тех, кто ему противоречит и сомневается, но и заигрывает, шутит с самыми строптивыми. Он еще и пошл — сквозь яростность ниспровергателя в нем проглядывает натура раба. Нет-нет да и мелькнет на его наглом лице растерянность, опасливая оглядка. Призывая пролетарок не рыдать над страданиями «сексуально пресыщенной дамочки» Анны Карениной, этот демагог способен растеряться от простой реплики с места: «Она, графиня, такой же человек, как все».

В рисунке роли много смешного, но это смех не ради смеха. Зрители, смотрящие «из сегодняшнего» на этого ниспровергателя, не только смеются, но и хорошо понимают цену этого смеха. Мы знаем, к чему приводит воинствующее баскультурье, бездушное и хамство ярматовых и ему подобных.

Для трех первых работ Болтнева на новосибирской сцене характерны цельность, точное попадание не только в суть роли, но и раскрытие основной идеи спектакля в целом.

Р. ГЕРШГОРИН.

* * *

НА СНИМКЕ: А. Болтнев в роли Мефистофеля. Фото Н. Соничевой.